

I. Человек человеку – призрак

Всем дано забыть. Одному не дано – забытому. Это во мне давно: от виска к виску. Знаю: выключен из всех глаз; из всех памятей; скоро даже стекла и лужи перестанут отражать меня: я не нужен и им. Меня нет – настолько, что никто даже не сказал и не скажет обо мне: нет. И вот оттого мне и не дано: забыть. Часто слышу, шагая вдоль витрин и тумб, как смешные вспученные чертики мне вслед – тонким и нудным писком: уйди-уйди. Но и уйти не дано, потому что как уйти тому, кого нет. Я не надевал на себя шапки-невидимки, на мне обыкновеннейший старый, с обвисшими полями фетр: и все же, даже глядя на меня, меня не видят, даже натолкнувшись плечом о плечо, только бормочут что-то, не подымая глаз. Я лишь смутно помню, что это такое – рукопожатие, ладонь, притиснувшаяся к ладони. И только редко-редко, когда шаги заведут меня на окраинное кладбище, к могильным камням, среди которых так удобно и покойно размышлять, я вижу слова, зовущие меня: "Прохожий" и "Остановись". И я останавливаюсь, иной раз даже присаживаюсь у креста и решетки и беседую с теми, которые не отвечают. В сущности, мы одинаковые – и они и я. Смотрю, как над ними растет крапива и спутывает пыльные стебли трава, – и думаю: мы.

Сегодня чуть ветрено. В швы моего обтерханного пальто втискивается холод. Близко к закату. Опять – сквозь зябкую черную и длинную ночь. В сущности, я ношу на себе свою проблему: швы, разползшиеся краями, вырубцевавшиеся, с прогнившей ниткой внутри – швы. Да, все оттого, что я меж "здесь" и "там", в каком-то меж; – в шве. И может быть, старое пальто, стягивающее мне плечи, если уже не умеет греть, то умеет напоминать: швы.

И писать-то не могу иначе, как кусок за куском, в отрыве – по шву. И у мысли – будто короткое дыхание: вдох – выдох, выдох – вдох. Трудно додумывать. Вот и сегодня: сел на привычную скамью привычного бульвара, смотрю: идут – мелко и вразвалку, справа налево и слева направо, враздробь, по двое и группами. Сначала мысль: кто они мне и им я? Потом просто так смотрю: мелко и вразвалку, слева направо и справа налево: идут. И опять: человек человеку волк. Нет, неправда: сентиментально, жизнерадостно. Нет: человек человеку – призрак. Только. Так точнее. Вгрызться зубами в горло – значит поверить, хотя бы – это-то и важно – в чужую кровь. Но в том-то и дело: человек в человека давно перестал верить; еще до того, как усомнился в божестве. Мы боимся чужого бытия, как боимся привидений, и только редко-редко, когда люди померещатся друг другу, о них говорят: любят. И недаром любящие ищут ночного часа, чтобы лучше привидеться друг другу: часа, когда приходят призраки. Забавно, что самая оптимистическая философия, измышленная Лейбницем, только и умела увидеть мир несочетанных монад, то есть онтологических одиночеств, из которых "ни единое не имеет окон". И если попробовать быть оптимистичнее оптимиста и признать у душ окна, способность раскрытия их вовне, то уж конечно и окна эти, и способность наглухо заколочены и забиты, как в нежилых домах. И о монадах – людях ходит дурная слава: в них водятся призраки. Самый страшный из них – человек.

Да, блаженны волки, ибо они уверовали – хотя бы в кровь. Все против всех – это то, до чего нам надо долго и трудно идти, и только когда... ну вот мысли и спутались и карандаш стал: будто увяз... в шве.

II. Бутерброды с метафизикой

Ночь была холодней, чем можно было ждать. Август в начале, а уж заморозки и иней по утрам. В коленях ревматическая боль. И чуть-чуть температуру. Ну вот так когда-нибудь протиснешься к спинке скамьи с вечера, а утром и не встанешь. Какая-нибудь иззябшая женщина с не купленной у нее ночью, а то пьяница, сквозь муть в глазах спутавший сны и яви, подсядет – вместе с утренним брезгом – ко мне на скамью и попросит прикурить. Я не отвечу. Тогда, глянув мне под поля шляпы, он попросит еще раз – только чуть тише и неувереннее... И я опять не отвечу. И буду сидеть, сжав ледяные колени, с окостенелыми пальцами в карманах пальто и с белыми зрачками, спрятанными под тень шляпы. Вероятно, будет довольно трудно распрямить меня, как полагается быть трупу.

Но все это предварение. Пока же двигаюсь, вижу-слышу, и даже моментами